

Старинное поверье, восходящее к Плинию и Аристотелю, утверждает: если смотреть со дна глубокого колодца, то можно днем увидеть звезды. Многочисленные эмпирические опровержения ничего не стоят, поскольку речь, очевидно, идет вовсе не о ретинальном эффекте. Античное свидетельство о колодце как оптическом приборе ясновидения намекает на его место в мифопоэтике обжитого пространства, и роль эта не сводится к одному только обеспечению водой. В статье делается попытка «схватить» в актуальном, но обобщенном дискурсе мифопоэтику колодцев, как они известны истории архитектуры и цивилизации.

Ключевые слова: колодец; мифопоэтика архитектуры; смысл в архитектуре; функция и ее отсутствие; «реальное» и грезиное архитектурной типологии.

An ancient belief, dating back to Pliny and Aristotle, claims: if you look from the bottom of a deep well, you can see the stars during the day. Numerous empirical contradictions are worthless, since it is obviously not about the retinal effect. The ancient evidence of the well as an optical clairvoyance device hints at its place in the mythopoetics of inhabited space, and this role is not merely reduced to water delivery. The article attempts to “capture” in a topical but generalized discourse the mythopoetics of wells as they are known in the history of architecture and civilization.

Keywords: well; mythopoetics of architecture; meaning in architecture; function and its absence; the “real” and the dreamlike of architectural typology.

Колодец: глубокое VS очевидное / The well: the deep VS the obvious

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Истина лежит на дне колодца

Фраза, приписываемая Демокриту

«Омут памяти»

Древние верили: портал – устройство связи с потусторонним миром, в котором можно, соблюдая ритуал и время, увидеть предков и пообщаться с ними. У колодцев в языческую эру приносили жертвы, давали клятвы, заключали браки и союзы. Христианство всегда помнило о темной стороне колодцев, оттого на них устанавливался крест; сама конструкция навеса славянских колодцев крестообразна.

Колодец наследует пещере во многом (что, заметим, не всегда очевидно), в том числе и в детородной семантике: беременные и роженицы могли искать у них защиты. Вода также – покровитель женского начала, так что мужского в колодце немного, разве что затраченный труд (прим. 1).

Все же провокация взгляда снизу-вверх, из колодца, остается плохо объяснимой. Ведь не сидели же люди в колодцах (в отличие от ям, зинданов). Спуск в колодцы предусматривался в ремонтно-эксплуатационных целях, а постоянный – лишь в ступенчатых колодцах Индии (прим. 2) и др. уникальных сооружениях. Но это особый случай. Опыт глядения со дна колодца мало кому доступен, однако же он без труда представим каждому, а стало быть, архетипичен. Чьими глазами мы смотрим оттуда? С какими духами при этом отождествляемся?

Колодец соединяет горизонты. Путь людей долгие века задавался ритмом движения от колодца к колодцу – хорошо, когда на расстоянии дневного перехода. Горизонтами колодца всегда являются поверхность земли и нижний уровень – горизонт грунтовых вод. Колодец – то, что их соединяет. Дно колодца – иной мир, противопоставленный дневной поверхности, царство ноктурна; там всегда ночь. Из царства тьмы и влаги возможны и другие выходы, помимо этого-вот колодца, но они неочевидны, и наверняка живым до них не добраться. Речь идет о выходах *par excellence*: несмотря на то, что иных морфологически определенных входов в Преисподнюю не существует, колодец в общем случае не предназначен для входа в подземный мир; это окно в него (и из него),

оттого возникают и оптические фантазии. Но ведь лазают и в окна! А то, что из колодца вылезает, к ночи лучше не упоминать.

Колодцы онейричны. Мало того, что они сняты (толкование сонников можно обобщить фразой: «К чему угодно!»), около них легко засыпается и хорошо спится. И не только путникам-рыцарям прерафаэлитского века, утомленным жаждой и пустынным переходом, как и тем, кого они имитировали. Сонный романтизм колодцев – не глава, не том – библиотека в мировой литературе. Случайно ли, что именно всезнающие «британские ученые», невзирая на свою одиозность, выяснили: около колодцев повышен радиационный фон. Он и приводит к сонливости, а также к излечению ран и некоторых болезней, которыми рыцари славны. Во сне с колодцами вообще гораздо лучше общаться: ведь такое общение не сводится к питью.

Дном колодца может быть разветвленный пол пещеры или квадратный метр глинистого слоя, но дно есть всегда. Колодцы не бездонны. Колодец может быть очень и очень глубоким, как тот, в который Писатель из «Сталкера» Андрея Тарковского кинул камень, но бездонный колодец – фигура отсутствия, оксюморон, фантазм сугубо литературный. Наличие дна, предела – обстоятельство, в гораздо большей степени отличающее колодцы от пещер, нежели ориентация в пространстве (прим. 3). Пещера может быть «бесконечной», ей это только идет на пользу, но колодец, не имеющий дна, становится «лишь» вертикальной пещерой, шахтой (прим. 4). И конечно, колодец вертикален: наклон переводит его в категорию «щели»; колодец – канал свободного падения и контролируемого спуска-подъема, бережного к тому, что находится на конце веревки или цепи.

Колодезное технэ

Колодец воды – символ доступа к скрытому, чистый маркер сказывания неявного в явном. Колодцы напоминают нам о том, что ресурсы везде, всегда с нами, под нашими ногами, но не всегда доступны, а организация доступа – инженерный подвиг, каким бы стандартизированным мероприятием он ни был. Ведь инженерия вообще есть сфера тривиализации героического.

^ Рис. 1. Жан-Леон Жером. Истина, выбирающая из колодца, вооруженная плетью для наказания человечества. 1896

^ Рис. 2

Будучи создан, колодец становится центром ойкумены, обжитого и обживаемого дальше мира (прим. 5). Это известно, но известна и его принципиальная локальность: ойкумена этого-вот колодца не превышает шаговой доступности, если мы продолжаем говорить о колодце с питьевой водой. Тем самым колодец – принципиально сетевая форма: при всей «штучности» всякого из сети, сама сеть в целом рождается геологическими картами, подземными токами, обнаруживаемыми (вот точное слово!) лозоходцами и изыскательскими экспедициями, позже закрепляется схемами расселения. Стоит вчувствоваться в этот мифолого-хозяйственный контекст: жизнь – не перекасти-поле, уведомляют нас колодцы; она не присаживается на время где придется, но вгрызается в почву, протыкает ее жалами и уже не отпускает до исчерпания. Колодцы – сваи жизни, ее щупальца и присоски. Но на поверхности царствуют благодать и пастораль: жизнь эгоистична, она предпочитает не замечать собственных эксцессов.

Разумеется, колодец есть Gestell – постав недр. В этом сразу видна и его искусственность, технэ (τέχνη, techné), со всем размахом, приданным слову М. Хайдеггером, и вместе с ней неустранимая уже никогда двусмысленность: мы теперь на искусственном «вскармливании», наши взаимоотношения с сокровенным лишены непосредственности, достижимы с усилием, требуют искус-

ности. Вы не невинны, – говорят колодцы нам, людям, – не вам индульгировать в естественности, ваше спасение – в искусстве.

Колодец, как и источник, родник, водопад – союз земли и воды. В отличие от родственников, также рожденных этим союзом, колодец лишен пафоса, позы, внешних красот – ничего рубенсовского. Он предельно утилитарен и непритязателен; среди братьев он младший, простачок, Иван-дурак (который, как мы знаем, свое не упустит). Он

^ Рис. 3. Колодец и Genius loci – любимые символы оккультных практик

< Рис. 4. Колодец на форумах Рима

^ Рис. 5. Галеотто ди Паоло из Ассизи. Собор Св. Петра и колодец XVI века. Перуджа

^ Рис. 6. Данте Габриэль Россетти. Dante's Vision of Rachel and Leah. 1855

^ Рис. 7. Сэр Эдвард Берн-Джонс. The Baleful Head. 1886–1887

хоть и рожден от союза земли и воды, но искусственно, не без помощи местных умельцев – «кесаревым сечением».

Башляр в «Воде и грезах» увидел лишь один результат союза земли и воды – тесто и посвятил соответствующее место в книге описанию всех видов грязи [2]. Видимо, Башляр забыл о камне, который также принадлежит стихии земли и без которого воду в ландшафте не обуздать. Грязь же, ил, глина и пр. – первейшие враги колодца и прочей гидротехники; умение справиться с ними так же важно, как и умение найти водную жилу. Но Башляр был далек от действительной инженерии, от ландшафтных мероприятий и масштабных предприятий; его homo faber – бескрылый ремесленник, живущий от рук своих, на милостыню от природы (прим. 6).

Колодцы экзистенции

Будучи репрезентантом обнаруженной стихии, т. е. стихии смиренной и подчиненной, колодец может быть небольшим – ему нет нужды выглядеть как вулкан или гейзер, где стихии еще не обузданы (прим. 7). Наземная постройка колодца, как надводная часть айсберга (прим. 8) – лишь вершина целого, но не случайно это его синекдоха, ибо, видя скромное сооружение, мы опознаем наличие не только серьезной конструкции под ним, могущей уходить глубоко, но обнаруженный и осуществленный интерес к месту, затраченные на него усилия, а с ними и саму возможность выживания здесь. Колодец в этом смысле – место-генерирующая постройка, самое начало всякого обживания вообще. И сам Genius Loci – змея, таящаяся в сырых расщелинах, у источника под тенью камня, земноводный дух: он любит колодцы.

Скрип ворота деревянного колодезя, звон ведра и щелбета цепи, холод плещущейся воды, добытой только что, в жаркий летний полдень – воспоминания неизгладимые, архетипические. Люди, лишённые их условиями жизни более комфортной и менее трудоемкой, все же должны иметь возможность получить такие впечатления: без них останутся непонятны образы и намеки, навсегда оставшиеся в культуре (прим. 9).

Разрез колодца, как и глубоких скважин, попадись он где-нибудь случайно, всегда разглядывается с интересом, с каким-то ревностным пристрастием. Так рассма-

^ Рис. 8. Сергей Кузин. Колодец в деревне Крапивье. 2008

^ Рис. 9. Городской колодец у Палаццо Пикколомини Бернардо Росселино, Пьенца. 1459

триваются, пожалуй, только сечения в анатомических атласах, но никогда не разрезы зданий (если нет сугубо профессиональных целей, разумеется). Такие изображения даруют ощущение лучшего понимания устройства всего: физического мира, деятельности, познания; они привлекают обнажением тайны, пусть и с высокой долей требуемого воображения.

Поздние родственники колодцев – шахты, в т. ч. и шахты для пуска ракет (вот оттуда точно видны звезды – если не в небе днем, то на погонах). Возможно, им мы должны быть «благодарны» за относительно недавний семантический парадокс – допущение, что из колодца может что-то вылететь. И что его не поймашь. Каждой шутке свое время; в древности шутили иначе, и в колодцы не плевали по другим причинам. Лифтовые шахты – из той же сухой ветви генеалогического древа колодцев. Это колодцы, поглощенные зданием: на каких бы отметках ни располагались его этажи, к каким бы сокровищам они ни вели – это мертвые колодцы, что любит обыгрывать экшн-кинематограф, засовывая туда людей и наблюдая, смогут ли они выбраться...

Родственники не столь поздние, но дальние и «бедные» – канализационные ходы, но это уж и вовсе мир Гадеса. Как спуски, так и каналы коммуникации под землей (не все из которых тесны), вне зависимости от сроков постройки, через коллективное бессознательное уходят прямо в катакомбное прошлое. Наверное, движение в таких урбанистических пещерах – это тоже архитектурное переживание, однако Архитектура до сих пор редко туда спускается; как сказал бы Л. Б. Альберти, ее Минерва слишком тучна для подобных приключений.

Интересный способ использования колодцев как обиталищ дали миру партизаны, а также разномастные «лесные братья» XX в. – времени, богатого на эксперименты над человеком и его возможностями. Они соорудили дополнительные уровни в бревенчатой колодезной кладке – ниши, где могли размещаться и спальные места, всегда обеспеченные водой, и штабы с радиостанциями, прикрытые невыветриваемой архаической боязливостью перед infernalным миром за срезом дневного устья колодезного ворота.

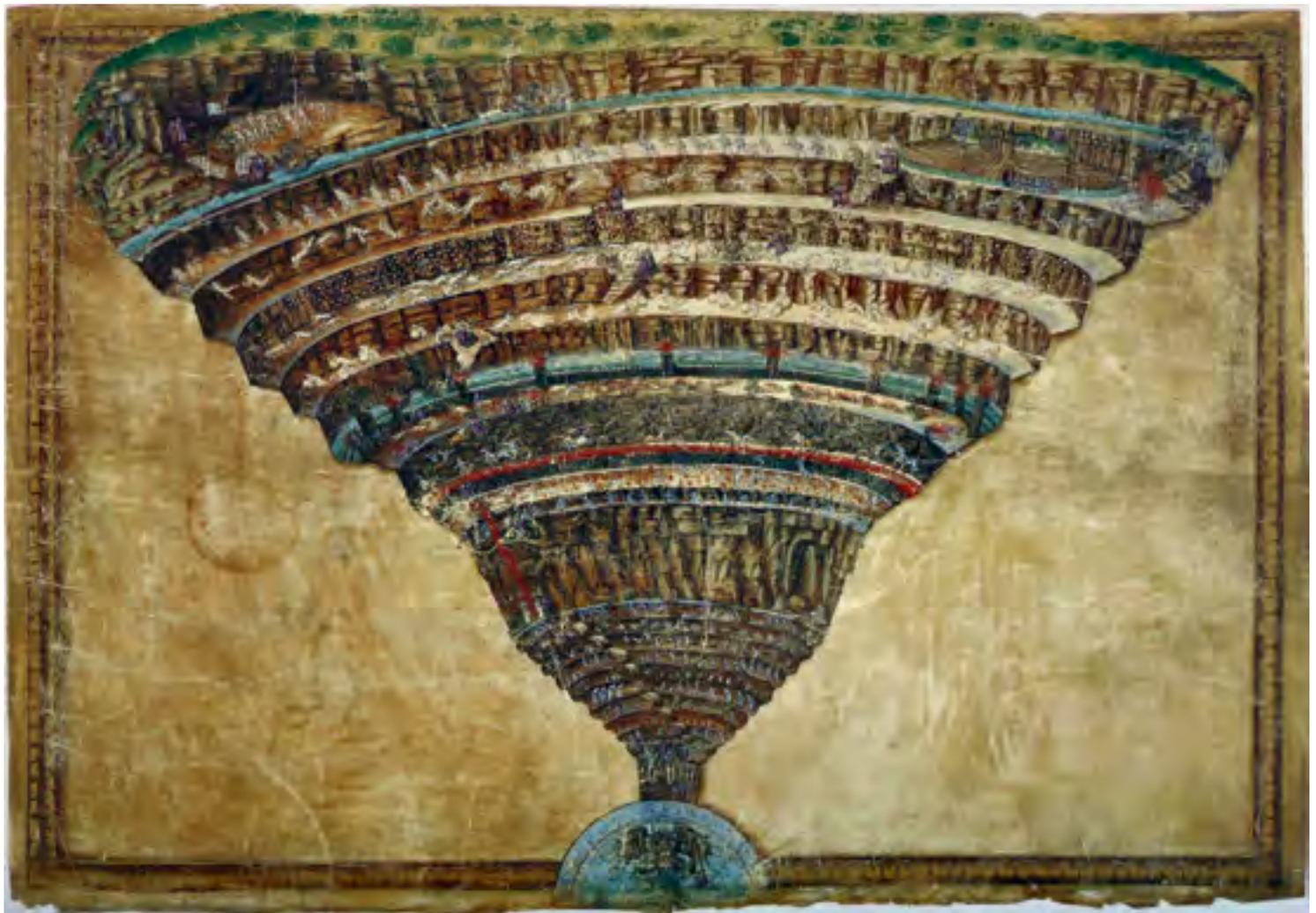
Колодец и Пирамида

Как и пещера, колодец – досемиотическая мифологема. Иными словами, его «означающее» слабо дифференцировано и плохо артикулировано, но его «значения» сильны и универсальны. Деррида, анализируя гегельянскую семиологию [3], разделил Колодец и Пирамиду как различные, но не взаимоисключающие концепты. О пирамиде, в т. ч. о том, что это такое у Гегеля, мы немного скажем, но за колодцем остаются его исконные, ископаемые качества: причастность бессознательному, метафизическое, глубинное, символическое. Колодец – это непосредственный доступ к стихиям, его запасы неограниченны, его устройство соприродно этим запасам и стихиям, а потому неисчерпаемы и смысловые ресурсы, велика их текучесть и изменяемость, как и у всего живого и живущего (в то время как пирамида-знак у Гегеля суть могила иноприродной души, ничего о ней не знающая и ничего не говорящая). Глагол к колодцу – черпать, к пирамиде – хранить. Так можно различать символ и знак (Деррида даже называет гегельянскую пирамиду «семафором знака»).

Упомянутое выше воображение также остается атрибутом Колодца, одной из стихий, контролируемый допуск к которой обеспечивает его устройство. «Воображение есть становление», – утверждает Г. Башляр все в той же книге «Вода и грезы», и тут мы с ним согласны. Остановившееся, ставшее, как пирамида, угнетает всякое воображение непреложным фактом своей окаменелой истины; вокруг него допустимы гипотезы, споры, мнения, сны: оно равнодушно ко всему. И ничему из перечисленного воображение не требуется: для гипотез потребны знания, для споров убежденность, для мнений – подобие осведомленности, для снов – чувствительность. Пирамиды не тронешь воображением. Можно сказать и так: пирамиды суть сконцентрированное воображаемое, его кристаллическая форма, его твердое, очень твердое агрегатное состояние. Ему уже не нужно живое воображение. Но Колодцу оно нужно, колодец отзывается на извивы грез, на авантюры духа; он не закончен, он – в становлении; ему еще надо искать свое место если не в ландшафте земли, то в мире знаков. Ему еще обретать форму, совершенствовать морфе, выявлять εἶδος... Для всего

> Рис. 10. Обрядовый колодец масонского посвящения. Синтра, Португалия. Конец XIX в.

^ Рис. 11. Сандро Боттичелли. Карта Ада. Иллюстрация к «Божественной комедии» Данте. 1480-е

< Рис. 12. Фрэнк Ллойд Райт. Музей Гуггенхайма. Атриум. Нью-Йорк. 1959

этого потребна phantasia. Колодец, в отличие от пирамиды, не обойдется без нас, не справится.

Со сказанным связана загадка: как получилось, что, будучи относительно «молодой», искусственной и явно пост-пещерной конструкцией, Колодец умудрился и успеть стать символом, и сохранить независимость от своих переменчивых означающих (пирамиде это не удалось с самого начала), и избежать внешних сигнификаций? По какому-то странному «упущению» колодцы обозначают лишь самих себя, и им этого хватает! Видимо, мы еще плоховато понимаем природу колодцев, чтобы исчерпывающе ответить на эти вопросы (это лишний раз напоминает: понимание вовсе не предшествует знанию или умению что-либо изготовлять).

Колодец и Башня

Колодцы родственны не только пещерам, но и башням [4]. Это – подземные, «закопанные» башни. Разумеется, ритуальное использование колодцев связано с захоронением, подземельем, преисподней, со спуском вниз, в Аид. «Карта Ада» Сандро Боттичелли – вывернутая наизнанку Вавилонская башня (будто та сама по себе была невинна и одухотворена!) (прим. 10); к кому она ведет, кто там на самом дне – известно. Видимо, в отличие от Яхве, сидящий во глубине Дантова колодца не возражает против приближения людей к нему, не насылает на них лингвистическую саранчу или семиотический мор. Он рад гостям. Но без «подарков» они не уходят – если уходят.

Иные колодцы целенаправленно разыгрывают адский мотив: таков обрядовый колодец масонского посвящения в Синтра, Португалия – антибашня глубиной 27 м. На дне – акцентированная площадка, полная тайных символов, с которой потом начинается восхождение. Башляр в «Поэтике пространства» утверждал, описывая дом, что лестница на чердак всегда поднимается, а лестница, ведущая в подвал, – спускается. Лестница в колодце не подчиняется этому правилу. Низ колодца – не подвал дома, он не существует в относительно пространстве нормального человеческого обиталища. Лестница в Синтре явственно поднимается, хотя и предполагает предварительную жертву спуска. Если башня – мост к небу, то тут все

зеркально: в точке кульминации происходит приобщение inferнальному; подъем же здесь – способ провести в мир подземную волю.

Колодец и Яма

Колодцы – это еще и атриумы, что особенно ясно в случае с видами атриумов сверху вниз. Особенно атриумов не очень широких, сформированных плотной обоймой поэтажного парапета или непрерывной лентой пандуса, как в музее Гуггенхайма Ф. Л. Райта. Кольца парапета уходят вниз подобно кругам ада, но ведут они... на дневную поверхность. Такой взгляд вообще способен менять мировоззрение: придется спускаться и жить там, на дне этого колодца. Атриумы особенно благоприятно принимаются в подземных комплексах, уже изначально настраивающих на встречу с низами, но парадоксальность их оттого не уменьшается. Заканчивая с инверсиями, заметим: не будучи никогда бездонным, колодец бывает бесплодным; тогда он умирает – становится ямой.

Яма коннотируется однозначно негативно, а колодец – позитивно, даже если это сенот майя (прим. 11). Магия имени делает свое дело, но есть еще и субъективная оценка, разделяющая едва ли не тождественные по морфологии впадины в земной поверхности. Различение по критерию естественности или искусственности происхождения здесь не столь важно: ведь все, с чем соприкасается человек, становится «кентавр-объектом». И даже не утилитарные соображения здесь являются решающими, не приносимая или потенциальная выгода от углубления в земле, не способ использования (он вторичен, реализует уже осуществленную дифференциацию: в яму сыпают мусор, вредное; из колодца черпают ресурсы, полезное). Но все же не польза здесь центральная или начальная категория. И точно не прочность: ямы устойчивы или расширяются сами, колодцы надо постоянно поддерживать и возобновлять. Что же разделяет отвратительную яму и самый простой колодец, опасный провал и питательный источник? Что делает дыру вещью, артикулированной как значимая ось человеческого обитания (прим. 12)? Красота? Если изобразить слово от слащавости и подчеркнутой в нем заботы о внешности, то, пожалуй, да: очищенная красота – это подлинность, самость, этос вещи, счастливое схождение многого. Уви-

^ Рис. 13. Сенот Ик-Киль. Мексика

^ Рис. 14. Сенот Самула. Муниципалитет Вальядолид, Мексика

деть, обнаружить ее и построить релевантную практику с ней – искусство, требующее вхождения в резонанс с субстанциями и духами, искусство, забытое веком рационализма. Впрочем, вряд ли уже Витрувий под своей *venustas* понимал такую именно «красоту».

Колодцы в ландшафте

Речь идет – коль скоро она, в самом деле, так далеко у нас зашла – о субъективации ландшафта. С объективацией у нас тоже не все просто, но там, по крайней мере, есть детально описанные процедуры и продукты, на которых выросли целые науки и профессии – география, геология, ландшафтоведение, районная планировка, территориальное планирование, теория градостроительства, наконец, ландшафтная архитектура и ландшафтный дизайн. Все эти занятия давно стали бизнесом, а потому уже не могут позволить себе как-то иначе, чем сложилось, структурировать свой мир, не могут выделять в нем, обнаруживать что-то отличное от привычных для них «объектов», несмотря на выморочность последних. Беда занятых сих в том, что их адептам *par excellence* не приходится биться с силами, неосторожно разбуженными их спекуляциями; оттого отношение их к произносимым словам – не понятийное, не инструментальное, не оружейное (прим. 13). Отчаяние, в которое может прийти критически настроенный исследователь при анализе методологических подлогов и допущений, делающих возможными упомянутые активности и их онтологемы, способно заставить искать самые неожиданные альтернативы. В самом деле, кроме эзотерики да еще поэзии с феноменологической прозой, у нас нет ничего для субъективного освоения ландшафтов. Как мы с ними еще имеем дело – не очень понятно.

Мы верим и надеемся, что возможности субъективации, способной выйти на подлинность вещей, стихий, ландшафтов, мест, таится в глубине самой архитектуры как традиции самоорганизации мышления, памяти и чувства. Когда мышление ее перестанет центрироваться на считающей логике, память перестанет оглядываться на библиотечные авторитеты, а чувства откроются для бесконечного многообразия мира, а не только для опознания вмененного, Архитектура станет иной –

не такой, разумеется, какую была она в своем синкретическом прошлом, но гораздо более осмысленной, близкой и емкой, чем сегодня. Но изменится и человек.

Мы, люди, даст Бог, не вернемся в пещеры, а прыгать в сеноты, как видно, уже бессмысленно. Наше глубокое под угрозой. Оно истончается. Здесь ли, на равнине, искать питание ему? Здесь, где все на потребу и все выдвинуто на постав? Но что там, вдали? Не колодец ли? И только ли он для утоления жажды в пути, в скитаниях по дольному миру? Откуда текут воды его? Куда? Кем предуготован он и для кого? Или нет там воды давно, песок? Утолимся ли? И сможем ли создать новый, не бесплодный, способный утолить жажду другого, идущего следом, идущего дальше?

Примечания:

1. Опираясь на род слова «колодец» в разных языках мира не очень надежно (не везде это то, что мы понимаем под словом, не всегда это искусственный источник и пр.). Но, кажется, они делятся примерно поровну на мужской, женский и средний. Последний не должен разочаровывать: в западнославянских языках это добро.
2. Исполняя функцию накопительных искусственных водоемов, т. н. «ступенчатые колодцы» Индии представляют собою более водохранилища, нежели колодцы в обсуждаемом нами значении. Несмотря на великолепие их архитектуры, богатейшую мифологию и потрясающую феноменологию действий и обрядов, связанных с ними, мы исключаем их из данной типологии. Но обратимся к ним с благодарностью в эссе о лестницах.
3. Если говорить об ориентации в пространстве, то любая пещера перед колодцем подобна булыжнику перед кирпичом с клеймом мастера. Пещеры – плод диких и случайных стихий, если их удается использовать – это редкое благо; колодцы же – благо по определению именно благодаря искусству ориентации. «В скандинавских мифах боги собирались возле колодца Урд (Урджар), который питает Мировое древо Иггдрасиль» [1]; чего уж дальше говорить о верности ориентации!
4. Спелеологический термин «колодец» имеет так же мало отношения к нашему предмету, как альпинистский «камин» к обогреву помещений. Однако сила имени действует помимо прямых денотаций, а иногда и вопреки им.
5. «Устав разъездов сторожевой службы» 1571 г. предписывает ездить до урочища Кривой Бор на Дону: «<...> до болота, и до колодезя шесть верст». Дороги начинались и заканчивались колодцами, по колодцам проводились границы государств.

< Рис. 15. Средневековая Piazza della Cisterna (Площадь Колодца). Сан-Джиминьяно, Италия

6. Можем ли мы после этого доверять его ученому или представителю «технонауки», для которых он писал свои методологии и эпистемологии?

7. Древнейшие копаные колодцы обнаружены в Каракумах, их глубина превышает сто метров, а самый глубокий – 270 м [открытые источники].

8. Или уж голова Змеи, высунувшаяся наружу. Мифологема колодцев – и не только она одна – не обходится без этих существ, без договора с ними.

9. Звуки деревенского колодца можно скачать за сходную цену в Интернете: услуга уже успела стать популярной. Однако она, разумеется, не воспроизводит, как и всякий симулякр, опыт телесного переживания.

10. И таких реальных воронок в нашей несчастной Земле хватает: разработанные кимберлитовые трубы вроде «Мира» у г. Мирного в Якутии тому пример. Архитектура ли это? И надо ли Архитектуре брать на себя ответственность еще и за это? Так или иначе, но потрясающий ландшафт налицо. Отметим походя: здоровое воображение видит в спирали «Мира» и ей подобных подъем. Не хочет наше воображение ввертываться, аки штопор, в Землю даже тогда, когда алчность, похоть или жажда власти вкручивают туда тела.

11. Т. е. естественный скальный провал со всеми призраками пещеры, да еще и с вполне подтвержденными преданиями о жертвоприношениях. Собственно, это и есть пещера, подмытая подземной рекой и раскрывшаяся за счет образования некоторого подобия окулюса, который и отправляет сеноты в классификацию колодцев. Эта странная переключка образов, иногда превосходящих по драматизму великие купола Европы или реально обжитые пещеры, держит сеноты недалеко от человеческих пространств. В конце концов, из них также черпали воду. Но не только... Из сенота не выберешься без развитых альпинистских навыков, да и с ними-то вряд ли. Впрочем, сохранилось предание о предприимчивом молодом вожде, который прилюдно прыгнул в сенот и, будучи вытасканным, объявил народу о решении встреченных там богов: те якобы велели ему объединить несколько племен. Колодцы даровали не только смерть, но и власть. Туристский бизнес убивает всю мифопоэтику мест, сами места и их индивидуальность, не пощадил он и сеноты Юкатана. Теперь это места гламурных купаний и селфи, оборудованные и обезопасенные сервисом, мимикрирующим под натив. Но стоит помнить: сеноты маяя – врата в царство мертвых.

12. Заметим: вертикальное развитие той же важнейшей оси порождает фонтан – апофеоз витальной энергии в городе [5].

13. «Сложно сказать, в какой области лежат истоки популярной на Руси традиции перед уходом на войну окроплять оружие водой из колодца родного села. Тем не менее до сих пор считается, что ос-

вященное подобным образом оружие в несколько раз лучше будет разить врага. С другой стороны, в тот момент, когда деревню должен был занять враг, ценные вещи, имевшиеся в селении, прятали на дне колодца. Колодцы в заброшенных деревнях до сих пор очень популярны среди кладоискателей» [6].

Литература:

1. Легенды и предания о колодцах. – URL: <https://4stor.ru/legendi/98808-legendy-i-predaniya-o-kolodcah.html> (дата обращения: 10.01.2022)
2. Башляр, Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. – Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 268 с.
3. Деррида, Ж. Колодец и пирамида: введение в семиологию Гегеля // Деррида Ж. Поля философии. – Москва : Академический Проект, 2012. – С. 95–138
4. Капустин, П. Башня // Проект Байкал. – 2020. – № 63. – С. 110–117
5. Капустин, П. Фонтан как «первая вещь» городской генетики // Проект Байкал. – 2021. – № 70. – С. 126–133
6. По ту сторону колодца. – URL: <http://www.300legend.ru/493-po-tu-storonu-kolodca.html> (дата обращения: 10.01.2022)

References

- Bachelard, G. (1998). *Voda i grezy. Opyt o vobrazhenii materii* [Water and Dreams. An Essay on the Imagination of Matter]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoi literatury.
- Derrida, J. (2012). *Kolodets i piramida: vvedenie v semiologiyu Gegelya* [The Pit and the Pyramid: Introduction to Hegel's Semiology]. *Fields of Philosophy*, 95-138. Moscow: Akademicheskyy Project.
- Kapustin, P. (2020). The Tower. *Project Baikal*, 17(63), 110-117. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.63.1606>
- Kapustin, P. (2021). A fountain as the "first thing" in the urban genetics. *Project Baikal*, 18(70), 126-133. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1901>
- Legendy i predaniya o kolodtsakh [Legends and tales of wells] (2017). 4stor. Retrieved January 10, 2022, from <https://4stor.ru/legendi/98808-legendy-i-predaniya-o-kolodcah.html>
- Po tu storonu kolodtsa [On the other side of the well] (n.d.). Retrieved January 10, 2022, from <http://www.300legend.ru/493-po-tu-storonu-kolodca.html>